

Будуар

ЛАЙМА — это нейтральная полоса: между странами, между людьми. О ней не так уж много сплетен придумано — это не просто сделать: кажется, она вовсе равнодушна к ним. Откинёт голову в легком недолгом порыве смеха — и нет любопытства в ее взоре. Глаза, которые скорее прощаются, чем манят. **ЛАЙМА** — это фирма, профессионал в отношениях ко всему и всем. Если она чего-то не имеет, то потому, что не приложила усилий. Если она чего-то не знает, то потому, что не думала об этом. За ней интересно наблюдать. Ей самой интересно то, что с ней происходит.

Лайма, мне кажется, что вы влюбились.

— Да, в свою собаку.

...Она хотела взять ротвейлера Кэнди («Конфетка») с собой в Москву, лишь бы не расставаться. Отговорили. Она звонит по несколько раз в день в Ригу — узнать, что делает ее собака. И когда ей говорят, что Кэнди стоит у окна, она знает: ждет ее. Уверенная в его бескорыстной любви. Обожающая за это бескорыстие.

— А я думала, вы влюбились в себя.

— Нет, я себя всегда терпеть не могла, не помню, когда бы я себе нравилась. В нашей профессии это недостаток, с которым мне приходится бороться. Один мой друг, замечательный хирург, советует: нужно каждое утро вставать и говорить: «Я самая лучшая. самая сильная. самая здоровая, самая красивая...» А я произнести это не могу даже в шутку, ради эксперимента.

— Но Америка на вас благотворно повлияла: вы стали обаятельной хулиганкой на сцене.

— Да, Америка меня немножко раскрепостила. Когда снимался фильм обо мне, режиссер-американец проделывал со мной просто страшные вещи. Я тогда еще плохо говорила по-английски. Так вот он останавливал прохожих на улице и рассказывал им, что я из Советского Союза, певица. — и люди начинали задавать мне вопросы. Я ненавидела эти «походы на улицу». Но, может быть, они мне и помогли.

Все же я из Прибалтики, у нас очень четко разграничено, что можно, чего нельзя. Америка не означает, что можно все. Я, конечно, не стала американкой, так и осталась «из Риги», не изменилась, но в хорошем смысле раскрепостилась.

— Вы по натуре собственница?

— В какой-то степени да, я эгоистка, как и все Овны. Хотя говорят, что каждый знак — **ОЧЕНЬ ЗНАК** для человека лет до тридцати, потом жизнь учит быть более лояльным, спокойнее относиться ко многому, прощать, не быть слишком требовательным к другим.

— Что вы считаете для себя унижением?

— Все, что унижает. Но мне как-то не приходилось испытывать унижения. Я никогда не ставила себя в такую ситуацию.

— Приходилось давать кому-нибудь пощечину?

— Это было давно, на вечере в Доме культуры, где я пела, а люди танцевали. И был человек, который себя отвратительно вел, весь вечер он меня просто изводил. И последней каплей стало, когда он схватил меня снизу за штанину и стал дергать. Я моментальноотреагировала. Но мне надо долго созреть для того, чтобы ударить.

— Драться умеете?

— В детстве дралась. Я всегда дружила с мальчишками, поэтому делала все то же, что и они: лазила по деревьям, через заборы. А дралась я, вернее, восвала с сестрой. Она старше меня, и вечно ей доставалось от родителей: как же! меня, маленькую, обидела. Помню, как я ходила по дому и била себя по заднице так, чтобы следы от ударов остались, и, когда пришла мама, моя попа была красной. Конечно, сестре досталось. Вот такими мерзки-

ми методами я добивалась своего.

— Чем сейчас ваша сестра занимается?

— Она была директором детского сада, учительницей, а теперь сидит дома и растит детей.

— А ваша мама?

— Мама пенсионерка. А была всегда директором большого продуктового магазина. Теперь живет моей жизнью.

— Лайма, вы когда-нибудь рассчитывали на чью-то помощь?

— Нет. Мне никогда никто не помогал. Это не про меня сказано: проснулась утром знаменитой. Я шла к этому всю жизнь. Может, потому мне легче — нет звездной болезни. Хотя с детства я была первой: дома, в детском саду, в школе. В 12 лет я уже пела в радио-оркестре, где все были старше, меня называли маленькой — опять в центре внимания. Для меня это норма.

— Человек в течение жизни встречает людей, которые могут его подсадить на следующую ступеньку, и для этого пытается как-то расположить к себе этих возможных помощников.

— У меня другая ситуация. Для меня в жизни если кто что и сделал, так это Раймонд Паулс. У нас в Латвии не очень популярны были взятки, я вообще об этом ничего не знала, пока не вышла в белый свет. Может, я такая наивная. С Раймондом мы познакомились, когда мне было неполных 16 лет. Он пригласил меня к се-

бе работать, потом я уехала, затем работала в «Юрас Перле», куда Раймонд приходил с друзьями. Его музыка сделала меня известной. Кем бы я стала без его песен?

— А вообще, плечо мне подставлял мой ангел-хранитель. Ему я должна кланяться до земли. Мне везло, никогда не приходилось хитрить, и у меня есть Андрей — человек, который мне помогал и помогает. Он не купил мне, скажем, нефтяную скважину или еще что-то. У него нет таких возможностей. Но он настоящий. Во всяком случае, я могу быть спокойна, что есть человек, который будет переживать за меня, будет плакать по мне, если что случится.

— Мне рассказывали, будто вы в одной телепередаче говорили, что вам пришлось сделать аборт по настоянию Андрея.

— Это очень интимно. Никто никого, конечно, не вынуждал. Был момент, когда я созрела для ребенка, а Андрей сомневался, вот тогда это и не состоялось. А чтобы какое-то принуждение, то это слишком сильно сказано.

— Вы завидуете Мадонне?

— Ни в коем случае. Я вообще не знаю, что такое зависть. Просто думаю: как здорово, что у нее есть круг людей, которые на нее работают. Я с ней не знакома. А то, как ее продают... Я же понимаю, что это человек, сделанный на продажу. Что ж я буду к товару как-то отно-

ситься! Она очень хорошо сделана, сильно выросла с того времени, когда начинала. Я, как профессионал, вижу, что это, конечно, работа.

— Одно время мне казалось, что вы копируете ее.

— Никогда. Я со своим имиджем и танцами существовала еще до Мадонны. Она работает в стиле, который я называю «диско», потому что не люблю. Я не пою такую музыку, хотя сейчас она мне нравится больше, чем раньше...

Правда, американский продюсер назвал меня «рашен Мадонна», что потом повлекло всякие сложности для меня. Это не похвала в Америке, наоборот, нехорошее клеймо, потому что Мадонна — плохой тон. А продюсер просто имел в виду, что я тоже танцую и пою: тогда она еще не выходила голой.

Когда я приехала в Америку и об этом написали в какой-то газете, то передача типа нашего бывшего «Взгляда» решила устроить скандал. Меня стали водить по магазинам, сопровождать по городу, чтобы как-то скомпрометировать меня, поставить в неловкую ситуацию и понаблюдать, найти изъяны во мне, но мой ангел-хранитель был рядом. Я понравилась и получила потрясающую рекламу в такой популярной передаче, как «Current affairs» («Текущие события»), которую смотрит вся страна. Передача начиналась словами: «Нам что, нужна еще одна Мадонна?» — но зато заканчивалась она тем, что пока-

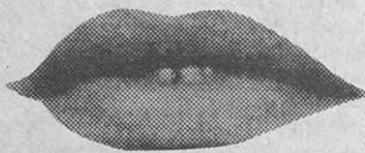

НЕ ЗАВИДУЮ

НЕ

ВАЙКУЛЕ

Фото из архива Лаймы Вайкуле

зали всех их звезд (которых я тоже люблю и уважаю) и сказали: «Эй, Горби, может, махнемся?» То есть всех их — на меня. В Америке это очень солидная реклама. Кстати, может, благодаря этой передаче я и получила американский контракт. Ниточка за ниточку цепляется.

— Лайма, какое место в вашей жизни занимает секс?

— Во всяком случае, первое место занимает работа. Остальное — потом.

— Вы слышали сплетню, что вы лесбиянка?

— Нет, не слышала. Слухи для меня вообще ничего не значат. Говорят, ну и пусть говорят... Я, может, не очень тонко разбираюсь в этих вещах. Что характерно для лесбиянок? Что у меня низкий голос? Наверное, это желаемое выдается за действительное.

— Может быть. Вас не пугает, что в творческой среде все меньше гетеросексуальных мужчин и все больше тех, кто предпочитает однополую любовь или ведет бисексуальную жизнь?

— А что значит «гетеро»?

— Это мужчины, которые любят женщин.

— И что, мало таких мужчин?! Боже, я не думала. Меня, значит, это не очень интересует.

— Действительно ли ваши отношения с Аллой Пугачевой несколько лет назад были столь драматичны, что даже доходило до драк?

— Это придумано. Я уважаю того, кто так же, как и я, достиг вершин своим трудом, даже если его достижения мне неинтересны. Я всегда уважала Аллу. Мне могло нравиться или не нравиться ее творчество — это уже дело вкуса, но что она мастер, что она самая известная певица, никто не станет оспаривать. И у нас всегда были хорошие отношения. Мы два Овна. Я ее чувствую и понимаю так, будто она мне родная. И ни в коем случае никаких конфликтов. Овен вообще не может конфликтовать, если его не выведут из себя, как в случае с той пощечиной, о которой мы говорили.

— А как вы избавляетесь от лишних людей вокруг себя? Я имею в виду тех, кто вас явно использует, отнимает ваши силы.

— Я бескорыстный человек, и если что-то делаю для кого-то, то никогда не жду ничего в ответ. Меня это избавляет от многих огорчений — я не замечаю, что меня кто-то использует. Опять же каждого человека можно использовать настолько, насколько он используется. Кажется, Заратустра говорил, что если мы делаем доброе дело, то делаем его для себя, для собственного удовольствия. А требовать, чтобы за мое удовольствие кто-то мне еще что-нибудь делал, это уж слишком.

— А если человек вам очень интересен? Вы как-то пытаетесь расположить его к себе?

— Я с ним сразу же знакомлюсь. Если

он сильным духом, он почувствует меня. Единственно, с кем не удалось познакомиться, это Энн Леннокс, с которой, я убеждена, мы очень похожи, внутренне. Мы встретились в Америке на телепередаче. Стояли несколько секунд друг против друга, оставалось только заговорить, но я развернулась и убежала, потому что боялась тогда английского, не хотела, чтобы она у меня что-то спросила.

— Что для вас дружба сейчас, когда все измеряется деньгами и выгодой?

— Дружба — самое главное для меня. И сейчас, и раньше. Родные, друзья, деньги, здоровье — все это нужно, без этого жизнь не будет полноценной.

— А насколько значимо для вас участие или неучастие в какой-то телепередаче, в шоу?

— У меня нет времени думать, переживать, позвали меня или не позвали.

— Значит, вы способны убедить себя, что вот это вам нужно, а то — нет?

— Не убедить. Это ощущение. Ну как: один любит сладкое, другой — горькое. Когда я полтора года была на диете, очень строгой, и смотрела, как кто-то ест бутерброд (моя любимая еда!), я думала: самоубийца! У каждого человека есть время, в котором он живет, ощущение, которое он в себе несет. Может быть, десять лет назад мне нравилось одно, сейчас это для меня уже неприемлемо. Ведь если я не развиваюсь, то кто я, в конце концов! У меня уже сейчас нет времени на всякие

злостные ощущения. Я могу вспылить на какое-то мгновение, но через миг я это забываю. Я и так во всем опоздала. Жить опаздываю. Мой друг Леня Трушкин, драматург и режиссер, говорил, что ему понравилось, как я однажды сказала: я не люблю спать, потому что я не живу в это время. Я именно так чувствую жизнь. Поэтому я не могу позволить себе обижаться. У нас никогда не бывает с Андреем ссор, чтобы мы поссорились и не разговаривали час.

— Вы боитесь смерти?

— Конечно. Я уже в детстве думала о смерти. Убеждена, что каждый человек, который хоть немножко был близок к этому, понимает, что это страшно. Даже самый верующий.

— А старости страшитесь?

— Мне кажется, я не доживу до старости, поэтому я пока об этом не думаю. Впрочем, я в любом возрасте найду себе интересное занятие. В конце концов, мы живем среди своих сверстников. Я же буду ходить на дискотеки с пятнадцатилетними, когда мне исполнится шестьдесят.

— Почему в одежде вы стали предпочитать мужской стиль?

— Я всегда любила мужской и спортивный стили. А теперь я просто немножко не в форме. Слегка расслабилась. Поэтому никто не должен видеть, что я в порядке. Приведу себя в порядок, тогда покажу. Многие уже попробовали: и голые, и через день ела, и разных диет придерживалась. Но лучше, когда естественно: спорт, поменьше есть, особенно мучного на ночь.

— Мне кажется, что фестиваль в Гамале вам нужен для престижа: у Пугачевой — «Рождественские встречи», а у вас — «Юрмала».

— Нет, я не мартишка: потому что-то... Мне казалось, я смогу что-то сделать для этого фестиваля. Хотелось чем-то помочь своему городу — из чисто патристического чувства. В это можно не верить, но это так. Мне очень хотелось, чтобы этот фестиваль был самым хорошим.

— Почему «был»? Вы его уже бросили?

— Никто никого не бросал. Все зависит от денег.

— Вы как-то сказали о Сергее Мезеневе: с этим мужчиной я хотела бы сделать дуэт. В ваших словах не было подтекста?

— Сцена — главное в моей жизни, все, что мне нравится, — для сцены. Мазай мне очень нравится. Он настолько натуральный, настолько мужчина, — ну, куда же его? — только на сцену.

— Вам когда-нибудь изменяли?

— Наверное, но мне это было не интересно.

— А вы способны на измену?

— Есть потрясающая поговорка: мы не то, что мы думаем о себе, мы то, что мы думаем. Наверное, каждый человек изменяет, но если ты не животное, значит, способен себя контролировать.

— Как-то прошел слух о вашем романе с Константином Райкиным...

— Здорово, что были такие слухи! У меня столько кавалеров! Это все мои очень хорошие друзья, в том числе Костя Райкин. Приятно быть в обществе с такими людьми.

— Лайма, а вы лечитесь любите?

— Ненавижу.

— Наркотики пробовали когда-нибудь?

— Пробовала, когда была совсем молодой. Я все пробовала. Но это не для меня. Я не переношу ни алкоголь, ни наркотики, я люблю быть в здравом уме. Я сейчас так живу, что мне и курить не хочется. В Америке говорят, что толстые — только бедные и курят тоже представители немножко не того класса. Это дурной тон. Я думаю, мы тоже придем к тому, что будем как сумасшедшие бегать за здоровьем, как американцы. Сейчас я для своего рижского салона делаю в Америке линию по выпуску косметики, парфюмерии — для волос, для лица. У меня будет все натуральное. В мире очень популярна «Аромат-терапия» — лечение запахами. Это будут различные шампуни, бальзамы под названием «Лайма лук».

— Значит, ваши контакты с Америкой продолжаются?

— Продолжаются. Хотя, в принципе, я сделала свой выбор. Я поняла, что здесь я все уже имею, и оставшуюся жизнь должна отдать Америке для того, чтобы чего-то достичь по-настоящему. Но жить там я не хочу. Я хочу бывать в Америке, видеться с друзьями. А жить, пока живы мои родные, конечно, буду здесь.

Беседу вела Алла ПЕРЕВАЛОВА